Сумасбродка

Проблема завоза мигрантов остро стоит во всем мире. То не хватает рабочих рук на трудоемких производствах, то их заводится слишком много, и все болтают на своих языках. Кошмар для националиста! Чиновное семейство Кишу, столетия проживающее на острове Шеоле в Зоне Аномалии, столкнулось с самой извращенной версией этой проблемы, когда супруга наследника загуляла.

Листая озорные рассказы, анонимно переизданные Спиридоном Кишу после скандального развода сына, я почерпнула сведения о ранних годах его невестки. Не стоит удивляться тому, что все сложилось так, а не иначе.

В годы правления Джулиано высокопоставленные родители Пульхерии Моммзен утратили положение в обществе, а затем и свободу. Папаша попался на взяточничестве, мамаша тоже чего-то намудрила, работая в казначействе. Имущество коррупционеров конфисковали, а единственного ребенка отправили под опеку родни. Избалованная девчонка часто меняла дислокацию, поскольку никто из опекунов долго не выдерживал ее жизнерадостного разгильдяйства. Ни увещевания, ни ремень дяди Оскара не привили подростку любовь к учебе. Больше всего ей нравилось доводить до белого каления учителя истории. На вопрос о любом историческом периоде или деятеле, Пулька говорила исключительно о Нероне, Калигуле и Мессалине. Историк разражался гневными тирадами, что историей родного острова надо интересоваться больше, чем римской. Спрашивал, когда Единая Держава Этланти развалилась на Миндальное Королевство и Подземную Этланти. В ответ Пульхерия заново перечисляла половые подвиги любимых римлян, будто не расслышав вопроса. Позже оторва изучила статью о порнократии в Риме*, и ее «заклинило» на любимой эпохе, о чем бы ни спрашивали на уроке. Учителя решили не обращать внимания на непутёвую ученицу. Опекуны, оплачивающие их труд, больше беспокоились за успеваемость родных детей. Когда хотела, Пулька уходила с занятий в сад, где училась танцевать и кокетничать. Либо валялась на газоне с любовным романом в руках, грезя с открытыми глазами. Никто не ограничивал свободу Пульки, воспитывали по принципу «чем бы дитя ни тешилось». Когда настало время, домашние учителя сами сдали экзамены за юную леди, а ей вручили готовый аттестат зрелости.

– Не знала, что мне тоже полагается эта «корочка»! – запрыгала от восторга девица, а затем закинула диплом на антресоли, и больше никогда не брала его в руки.

До шестнадцати лет Пулька развлекалась с куклами. Бедняги были раздеты и ярко накрашены. Они лежали друг на друге, чтобы появились на свет пупсы. Она глумилась и над плюшевыми зверями! Кому-то распорола шов под хвостом, кому-то пришила мешочки с опилками к причинному месту. Играла с ними в семью, ничуть не стесняясь своих маленьких друзей. Оловянных солдатиков сына Гиацинты Пулька расквартировала в кружевных панталонах куклы Люси. Мальчик долго ждал свои игрушки. Не выдержав, он отправился к матушке с вопросом, сколько нужно времени, чтобы удовлетворить роту солдат.

Тетя Фелицата втайне опасалась, что Пульхерия нахваталась пошлостей от ее мужа-балагура. Поэтому норовила сбагрить племянницу сестре Цинтии, супруг которой считался импотентом. Оговорили человека! На молоденькую горничную ему хватало сил, и вскоре любовники сбежали в Бадам, прихватив чековую книжку и фамильные драгоценности. Их тайные свидания на чердаке и в беседке, увитой плющом, подсматривала любознательная крошка Пулька. Они распаляли ее воображение и зажигали томление в глубинах юного существа. В тринадцать лет девочка набросилась на кузена и до того напугала его, что сынок Гиацинты так и не женился. Но матери не выдал, что сделала с ним ушлая родственница. Гиацинта и не

стремилась женить его – все равно никто не достоин ее мальчика. А свадьба требует нешуточных расходов, черт возьми!

Сумасбродства девчонки все больше докучали опекунам. На семейном совете постановили передать Пульку на попечение дяде Алану и его жене Гале – оба отличались строгостью и нетерпимостью к эротике. Они держались особняком и потому не знали, какое несчастье свалилось на головы остальным родичам. Уж эти пуритане точно не дадут спуску маленькой стерве!

В скромном доме Гали и Алана царил образцовый порядок. В свое время пара не обзавелась детьми, так как не смогла преодолеть предубеждение против секса. Но им было хорошо вместе, особенно, когда под боком находилась заблудшая душа, требующая совместных усилий для перевоспитания. Оба находили удовольствие в наставничестве. Галя заставляла воспитанницу учить наизусть советы из книги по домоводству. Алан принуждал ее писать сочинения по роману «Семья без добродетели». Толстый том с викторианским душком рассказывал об огромном семействе, проживающем в сельской местности. Под крышей сумрачного особняка собрались бабушки, дедушки, тети-дяди и супруги с двумя десятками детей. Семейство постепенно вымирало из-за приверженности пороку. Например, старшая дочь четы тайком выискивала эротические сцены в литературных произведениях и выписывала профессиональный журнал для акушеров. Поэтому у нее загноились глаза и половые органы. Безнравственная девочка сошла в могилу от заражения крови, постепенно угасая в тоске. Это только один пример из череды нелепых смертей в этой книге. В итоге все члены этого злополучного рода оказались плохими и мертвыми, за исключением нелюдимого и агрессивного садовника, который всех хоронил на заднем дворе, разражаясь нравоучениями по поводу каждой утраты. Алан обожал этот роман, хотя очевидно, что его автор находился под влиянием загнивающей Англии 19 века. И, возможно, совершал идеологическую диверсию, пытаясь навязать свою галиматью нормальным людям начала 20 века.

По привычке, Пулька дерзила и насмехалась. Опекуны ставили девушку коленями на горох и лишали хлеба, чтобы проверить, не станет ли бес таскать ей бриоши. Алан был глуховат, а Галя еще и подслеповата. Озорница недолго страдала от тирании святош. Готовя вечерний чай, она незаметно подливала опекунам снотворное и отправлялась за причитающимися ей бриошами. Пулька научилась выклянчивать деньги у сердобольных прохожих на проезд или булочку, не останавливалась и перед кражами. Обчищая карманы почитателей Джулиано у Мавзолея, девица испытывала гордость за себя. Диктатор лишил ее родителей и нажитого ими состояния. Поскольку с мертвых взятки гладки, за покойников должны расплачиваться живые поклонники.

Скопив денег, Пулька купила роскошное эротическое белье из алого атласа и тончайших кружев. К комплекту приобрела лакированные туфли-лодочки на невысоких каблучках, ибо новая каверза требовала долгих прогулок по паркам и набережным. Пристегнув чулки с ручной вышивкой к петелькам соблазнительного боди, Пулька залюбовалась своим отражением в зеркале. У нее уже сформировалась фигура взрослой женщины с крупным бюстом, и одежда подчеркнула спелые прелести. Девица изготовила из клея, крахмала и красок уродливые нагноения и прикрепила их к внутренней стороне бедер и паха. Всем прекрасна была Пулька – и красиво причесана, и одета, как дорогая куртизанка, и маникюр в салоне сделала. При таком выгодной образе язвы между ног несколько обескураживали.

По мнению Пульки, нижнего белья достаточно для променада. Однако нервные обыватели могли вызвать полицию, увидев в общественном месте полуголую мамзель. Нехотя накинув на плечи шаль Гали, Пулька отправлялась на улицу, чтобы выяснить, насколько она желанна. Она сбрасывала поеденную молью

накидку только перед мужчинами, наслаждающимися уединением парка или сквера. Кто из них сможет пренебречь ее язвами и отсношать, несмотря на опасность заразиться? Нагноения получились довольно натуралистичными. В полумраке от настоящих изъязвлений не отличишь. Одни мужики шарахались от заразной, другие с сожалением качали головой и предлагали деньги на врача. Девчонка от подачек не отказывалась. Людям приятно делать добро, а для нее и малое вспомоществование лишним не будет. Время шло, а Пулька все еще не нашла бесстрашного любовника. От этого ей становилось досадно.

Один студент-медик все же разглядел, что бубоны не настоящие. В нижнем белье рослая накрашенная блондинка казалась взрослее, чем была на самом деле. Он уже извлек половой орган из брюк, предвкушая акт любви, вплотную приблизился к ликующей сумасбродке и застыл от ужаса. Молодой человек внезапно догадался, кто перед ним. Только чокнутая баба наденет столь дорогое белье и при этом изуродует себя поддельными язвами.

– Что уставился? – промурлыкала Пульхерия, лаская себя. - Ты принимаешь меня за идиотку, солнышко?

– Лучше я пойду, от греха подальше, - пробормотал парень в нерешительности. Не каждый день попадается на пути такое чудо.

– Кусь за смекалку, - хихикнула девчонка и цапнула за то, что торчало. Студент рухнул на маргаритки, потеряв сознание от резкой боли, а Пулька умчалась прочь с душившим ее хохотом. До крови прокусила головку, зубастая стерва.

Через некоторое время Пулька невольно сделала хорошее дело. Завелся в парке Изумрудной Королевы неопрятный мужик, пугающий детей и робких подростков своими причиндалами. Даже летом он ходил в драном пальтишке, поскольку портков не носил. Резко распахивая обноски, он наслаждался ужасом в глазах своих жертв. Многие с визгом убегали, теряя на ходу шлепанцы. А извращенцу в этом услада.

Пулька в старомодной шали выглядела вполне невинно. Она цокала каблуками по дорожке, на которой больше никого не было. Поэтому дева не виляла бедрами и не стреляла глазами по сторонам.

Внезапно из кустов выскочил бородач и с гнусной ухмылкой распахнул пальто, под которым носил свою сопревшую гордость. Пулька будто бы от страха отшатнулась, чтобы подыграть этому приятелю, выхватила из прически ленточку. Сбросив шаль, что само по себе шокировало извращенца, она потерла ленту по размякшим от пота «язвам». Затем она обвязала органы остолбеневшего маньяка этой гадостью. Призналась ему на ухо, что гниет заживо. Причем разложение коснется всего организма, и это неизлечимо.

Немытый бородач почему-то поверил стерве. Выйдя из ступора, он бросился наутек, пытаясь на ходу распутать узлы на ленте. Слезы и пот заливали его лицо. А Пулька с азартом бросала камушки в спину эксгибициониста и кричала, что скоро он станет евнухом с огромной язвой вместо увесистых причиндалов. Больше извращенца в этом парке не видели.

Как-то Пульке повстречался изнывающий от желания слесарь. Беременная жена давно не подпускала беднягу к своему телу. Вот он и возлег на газон с веселой девицей, не разглядев ее художество в паху. Освободив свои чресла от неудобства, слесарь обратил внимание на благодетельницу и какую-то подозрительную коросту. Что это, сифилис или чего-то похуже? Как с этим идти домой, к жене и детям?

Мужик оказался бедовым, в канал сиганул от отчаяния. В день бракосочетания он поклялся жене, что не будет, подобно отцу-алкоголику, награждать мать своих детей тумаками и бациллами. Впервые оступился, поддавшись животной похоти. Какой стыд!

В это время по каменному мостику проходил сержант, наслаждающийся вечерней прохладой. Он прыгнул следом за ним в воду и спас самоубийцу. Плача, как ребенок, слесарь поведал о своей беде, указывая на виновницу. Сержант полиции арестовал Пульку, которая и не думала убегать. Она с интересом наблюдала за метаниями случайного любовника. Приятно, что мужики ради обладания телом Пульки готовы рискнуть здоровьем!

В участке разобрались, кто такая Пульхерия Моммзен и что язвы у нее ненастоящие, как и желание заниматься проституцией. Просто чувство юмора воспалилось. К разбирательству привлекли ее опекунов, которые после сорока лет брака неожиданно для себя распробовали радости супружеского ложа. Пулька решила подшутить над Галей, подсунув ей флакон со смазкой из того магазина, где покупала комплект эротического белья. Святоша полила ею бутерброд – не то, вкуса нет, и сильно пахнет клубникой. В пироге тоже не прижилась подозрительная жижа. Женщина привлекла к исследованию своего мужа. Изучив вещество, супруги поняли, что это проделки воспитанницы, которую бессовестные родичи скинули на двух лицемеров и носа не кажут, чтобы хоть как-то разделить с ними ответственность за сорвиголову. Обидевшись на всех, шестидесятилетние супруги предались любви с использованием этой жидкости. И так понравилось им это дело, что они уже не нуждались в третьем лице, чтобы иметь общие интересы.

Хорошо, если бы юная леди вышла замуж, или в тюрьму села.

– В тюрьму мы не можем ее посадить. Скорее, опекунов оштрафуем за хулиганство этой особы. Лишим вас права присматривать за сиротой. Еще полторы недели до ее совершеннолетия. Вы в ответе за Пульхерию! – заявил инспектор Гале и Алану.

– О, господин инспектор, если бы вы знали, как нам тяжело! Мы уже пытались вернуть девку родственникам. Не берет никто. Поверьте, они не взвалят на себя эту обузу, - запричитала Галя.

– Пулька не сталкивала в канал слесаря. Вы говорите, он стал жертвой розыгрыша. А она вроде как в лапы педофила попала, раз еще не совершеннолетняя! По букве закона, - вкрадчиво заметил Алан, сжимая горячую кисть жены в своей ладони.

Та мечтательно улыбнулась. Жить начинать никогда не поздно, а сорок лет целомудрия – значительное достижение, которым можно похвастаться даже в полицейском участке.

Лицо инспектора стало кислым. С педофилами столько возни. Да и показатели преступности по околотку сразу подскочат, что шефу не понравится.

– На вашей овечке пробу ставить негде, - завел он старую песню. – Вы даже поручиться не можете, что она была девственницей! А у «водяного» трое детей и жена на сносях.

– Выход из положения очевиден, майор. Вы подержите Пульку в КПЗ до совершеннолетия, а мы за это время подыщем ей супруга, - выдвинул предложение Алан.

Инспектор согласился. Опекуны созвали новый семейный совет, где подняли вопрос о замужестве воспитанницы. За полторы недели, пока Пулька отрабатывала свои грехи за побелкой стен и стволов деревьев, опекуны, конечно, не нашли ей мужа. Пришлось всем родственникам скооперироваться, чтобы не упускать из вида Пульхерию. Тетушки разъезжали с ней по балам, таскали девицу в гости, надеясь, что молодые холостяки очаруются хорошеньким личиком и не придадут значения сплетням о задержании.

Но противные знатные семейства старались уберечь своих сыновей. Лишь клан потомственных чиновников Кишу проявил безалаберность. Глава семейства

Спиридон в молодости сам был заводным. Поначалу Пулька его скорее забавляла, чем раздражала, к тому она была так прекрасна в восемнадцать лет. Большой босс, старея, начал питать особое пристрастие к юным девушкам. Неуклюжий и стеснительный Абрам Кишу мечтал о раскрепощенной и стройной спутнице жизни, чтобы произвести впечатление на приятелей. Они посмеивались над увальнем, а он так хотел заслужить их уважение! Пусть жена будет элегантной и смелой за них обоих. В силу неопытности парень не понимал, избыток дерзости также плох, как скованность или неловкость.

*Порнократия или «власть блудниц» - период в истории папства (первая половина X века), который начался с правления, папы Сергия Третьего, интронированного в 904 году, и длился 60 лет, до смерти Иоанна XII в 963 году (по другим данным — в течение 30 лет, до смерти Иоанна XI) (Википедия).

Пышная свадьба и горькая жизнь

Шалунья обольстила Абрама Кишу. Родственники выдохнули с облегчением, когда молодой человек сделал предложение Пульке. Они надеялись, что Спиридон Кишу сломит сопротивление своей жены, которая слышать не хотела о женитьбе Абрамчика на развязной нахалке. Хотя Спиридон привечал Пульку, мужчина посоветовал сыну не спешить в столь важном вопросе. Абрам долго колебался, разрываясь между страстью и сомнениями. В конце концов, юность и желание победили благоразумие.

Пульхерия была ослепительна в подвенечном платье из кремового атласа. Лиф платья расшили розовым жемчугом и кристаллами, которые играли на солнце, как настоящие бриллианты. Подол и шлейф украшали розы из тафты. С красиво убранной головы ниспадали три слоя фаты, усыпанные блестками. Свадьба Абрама и Пульхерии вошла в анналы как самое помпезное мероприятие десятилетия. Ее играли целую неделю, причем к каждому дню празднества пекли отдельный свадебный торт под названием Понедельник, Вторник, Среда и так далее. Каждый из этой семерки весил не меньше 20 килограмм и соответствовал цвету наряда невесты.

Супруга Спиридона обезумела от бессилия повлиять на сына. В пятницу, когда общество начало болеть от череды застолий, она бросилась под свадебную карету и сломала руку. Позже выяснилось, что в карете Пульки не было. Это многочисленные свидетели и подружки невесты катались по парку в усыпанном пионами, лилиями и флёрдоранжем экипаже. Поступок Оливии вызвал кривотолки в обществе и придал пикантности празднику. Короля Ахико настолько позабавило это происшествие, что он наградил невесту Орденом Улыбки, а Оливию Кишу провозгласил Матерью Года. Злопыхатели рассказывали, что последний монарх даже соизволил совокупиться с Пулькой в присутствии королевы, Спиридона и сенаторов из Синшарары. Первенец Пульхерии, к сожалению, умер, не прожив и трех месяцев. Оливия Кишу дала зарок не спускать глаз с ненавистной невестки. Пусть следующее дитя родится стопроцентным Кишу, без примеси чужого семени. После свадьбы свекор сухо похвалил обворожительную невестку за перфоманс, но наотрез отказался дать ей свою фамилию. Поэтому Пулька и в замужестве звалась Моммзен.

Абрам был мал ростом, полноват, носил очки, еще в детстве испортив зрение чтением. В постели Абрамчик быстро утомлялся, зато мог часами говорить о политике. Разве такой мужчина нужен темпераментной тигрице? Нет, Пульку больше привлекал Спиридон Кишу. Он со вкусом одевался, при желании мило острил и неплохо играл в покер. Был приближен ко двору и занимал министерские должности. Спиридон также выпустил сборник скабрезных историй, анонимно, разумеется. В чем-чем, а в этом деле он был дока! Оливия закрывала глаза на измены мужа, но заигрываний с ненавистной невесткой простить не могла. Абрам страдал,

не зная, чью сторону взять. Он по-своему любил Пульхерию, но слезы матери расстраивали его, душили чувством вины.

Когда Пулька снова забеременела, муж выслал её в санаторий. Он находился на живописном острове Тхелет. Персонал заведения следил, чтобы без разрешения родственников никто из пациентов не покидал его территорию. Пулька и здесь порезвилась вволю: до самых родов принимала любовников, сплетничала напропалую, играла в азартные игры, украдкой выпивала. Довела до острого психоза главврача своими чудачествами. После рождения Казимира Пульке позволили вернуться домой. Как она жаждала объятий Спиридона, его жарких поцелуев! А он под давлением жены стал игнорировать невестку. Такое отношение очень огорчало бедняжку. Несмотря на возраст, свекор был красивым властным мужчиной, весьма умелым в постели. Жаль, что старая лицемерка Оливия не ценила его лучших качеств.

Сын рос под присмотром нянек и леди Оливии, которые изо всех сил прививали ему аристократические манеры. Пульхерия маялась от безделья в «золотой клетке». Надзор за ней усилился, когда Спиридон занял должность Председателя Комитета Морали, а муж стал замминистра путей сообщения. Пулька закатывала домочадцам злобные истерики, доводила прислугу до нервного срыва. Оливия не выдержала и пригласила доктора.

Осмотрев Пульку, психиатр вынес вердикт: окончательно и бесповоротно свихнулась на почве постоянного недосыпания и тайного алкоголизма. Абрам хотел поместить жену в психбольницу, да не позволил Спиридон, опасаясь за репутацию семьи. Врач посоветовал Абраму нанять сиделку, которая значительно облегчит жизнь домочадцам, взяв на себя заботу о больной. У него была на примете боевая девица, способная обуздать буйных пациентов. Несмотря на юность, она умела держать язык за зубами. Абрам послал за ней лакея.

Протест

Сиделка прибыла в особняк Кишу в третьем часу ночи явно навеселе. Спиридон и Абрам изумленно разглядывали развалившуюся на диване мулатку, одетую только в шорты, спортивный топ и боксерские перчатки. Она призналась нанимателям, что сама ведет ночной образ жизни, благодаря чему научилась отменно управляться с такими дамочками, как Пулька Моммзен. Изучив паспорт Дрюм, Спиридон обнаружил пометку, что ее мать была казнена, и отсутствует столичная прописка. Он хотел выгнать из дома шоколадную девчонку, но Абрам удержал отца. Если Дрюм будет постоянно находиться подле буйной жены, она не сможет рассказать, что творится в их семействе. Провинциалы без прописки нередко оказываются порядочнее уроженцев Агалафии.

Вскоре Абрам признал, что в долгу перед смуглой бестией. Ей удалось укротить пулькины причуды и заставить её принимать лекарства вовремя. Мадам Моммзен стала более смирной. Да и сама Дрюм освоила иную манеру поведения, понимая, что в особняке Председателя Морали нельзя сквернословить и одеваться, как на улице. Абрама немного смущало, что сиделка увлекалась боксом. Он невольно связывал это с изменением в поведении жены.

Милая хозяюшка, Пулька стала проводить много времени за рукоделием, слушая поучения какого-нибудь моралиста. У неё появилась привычка по утрам заходить на кухню, чтобы дать кухарке ценный кулинарный совет и помочь ей заварить кофе. Не прошло и года, как кухарка, подкупленная ласковым обращением, перестала следить, как бы хозяйка не насыпала битого стекла в кастрюли. Пулька явно менялась в лучшую сторону. Спиридон перестал порицать сына за неудачный брак. Время шло, равновесие сохранялось. Председатель Морали смягчился и стал выпускать невестку из дома под присмотром Дрюм.

Удивительное исцеление! Неужели Дрюм действительно била госпожу? Пулька принадлежала к влиятельному семейству. Лишь однажды Дрюм распустила руки, и это вышло ей боком. Отчаявшись совладать с припадком, мулатка выбила госпоже два зуба, правой прямой рассекла ей бровь и аристократическая кровушка залила подушки, одеяла, майку Дрюм…

Испуганная сиделка помчалась на кухню за кубиками льда и бутылкой коньяка, надеясь напоить госпожу до полного забвения инцидента. Суровый Спиридон по-своему любил невестку, а он скор на расправу. Воображение Дрюм рисовало страшную картину: закопав в клумбу ее остывающее тело, слуги поверх захоронения расставляют деревянных гномиков. Хозяин ржет, и гномы ухмыляются нарисованными губами! Дрюм настолько бесили садовые гномы, что она утаскивала их в лес и палила. А проклятый садовник на досуге вырезал из чурок новые фигуры. Аляповато раскрашенные гномики нравились госпоже Оливии.

Пока мулатка шарила на кухне в поисках выпивки, сознание Пульки прояснилось. Прижимая салфетку к ране, светская дама подошла к зеркалу и в который раз поразилась своей поблекшей красоте. Ностальгируя о прошлом, она пришла к выводу, что только бешеная страсть вернет ей душевное равновесие. У Абрама вечно какие-то дела, да и вообще он не мужчина. Спиридон пытается соответствовать своему посту. Какой дурак! Разве можно с таким толстым, ненасытным фаллосом руководить моралистами? Что, если она уже не возбуждает свекра? Заметно ли со стороны, как отвисла ее грудь, и располнели бедра? Может, растлить Дрюм назло пренебрегающим ею мужчинам?

Когда Дрюм вернулась в спальню, Пулька начала разглагольствовать о том, какие все мужики козлы, не слушая извинений мулатки. Выпивая, она закусывала, что нервировало девушку. Что задумала эта стерва? Разве ей не хочется надраться до поросячьего визга? Почему у нее такой плотоядный взгляд? Когда госпожа скинула шифоновый пеньюар и принялась ласкать себя с призывной улыбкой, Дрюм стало плохо. Пулька заявила, что нуждается в любви, а мужики перестали быть источником нежности. Они преследуют гомосексуалистов, но тянутся друг к другу больше, чем к дамам, от которых им нужна только материнская сиська. Это касается и боксеров, на которых западает Дрюм. Такие же «корзиночки», как пухлый слюнтяй Абрамчик. Сиделка сказала, что встречала настоящих мужчин, и когда-нибудь добьется от одного из них взаимности.

– Как ты молода и глупа, Дрюм! Из-за этих лживых скотов свекор никак не может искоренить аборты в стране. Попробуй – и ты поймешь, насколько лучше наслаждаться женщиной, чем терпеть домогательства мужчин. Они в своей мерзкой похоти подобны… подобны садовым гномикам.

При упоминании садовых гномов лицо Дрюм исказилось от злости. Леди обняла сиделку и принялась тереться об её мускулистое тело большой грудью и животом. Пухлые ладошки Пульхерии скользили по напряженной спине девушки, мяли крепкие ягодицы. Она покрыла поцелуями смуглую шею, теребила соски, пока мулатка ни застонала от вожделения. Постепенно Дрюм перестала стесняться и вошла во вкус любовных утех с женщиной. Лишь изредка ее мучила совесть, все же это противоестественно, и по закону наказуемо. Если узнает Спиридон о противоестественных утехах, обеих уничтожит. Только опасность по-настоящему заводила подруг.

– Они делают это для того, чтобы сбить меня с пути, ведущим к домашнему очагу, большой семье и респектабельности, - стонала про себя кухарка, подглядывая за госпожой и ее сиделкой. В сорок лет она все еще была одинокой вековухой, но услышав по телевизору, что правительство против бездетности женщин, стала ругать всех извращенцев и винить их в своей женской невостребованности.

А Спиридон не знал, что вздорная женщина нарушила главное табу, и позволил врачам признать невестку вменяемой. Наконец-то мадам Моммзен дорвалась до светской жизни! Нанесла визит блистательной леди Ирен Брегалетской и похвасталась, что теперь разбирается в сексе, больше, чем она, вкусив запрещенные утехи. За дерзость лакей грубо спустил ее с лестницы. Снова прошлась по гадалкам, в среде которых появились новые лица. Неожиданно для себя Пулька прикипела сердцем к тарологу с неумеренно длинными пальчиками. Дамочку уже карали за дурные привычки огромным штрафом. Она еще легко отделалась, попав в поле зрения Комитета Морали.

Мулатка вздохнула с облегчением: к этому времени возмужавший Казимир похитил её сердце. Наследовав семитскую красоту и гордый характер деда, этот парень был неотразим. Грубо тиская грудь Дрюм, он усыплял её скромность сонетами. Однажды Казимир не просто подарил ей букет цветов, но и сплел из них венок, чтобы Дрюм хоть немного прикрыла свою наготу от похотливого взора рыжей кухарки. Они вместе занимались спортом и купались в бассейне, сжигали в костре садовых гномиков. При этом они старались не попадаться на глаза Спиридону, который не одобрил бы столь тесной дружбы. Дрюм приобщила юнца и к боксу и к сексу. Полюбив Казимира, Дрюм окончательно охладела к Пульке. К счастью, на время госпожа оставила её в покое. Ведь пальцы у предсказательницы длиннее, чем у Дрюм. Таролог располагает различными игрушками и хатой, где можно ставить эксперименты в сфере эротики. А где проживала Дрюм до того, как заняла вакансию сиделки, мадам Моммзен так и не сумела дознаться.

Однажды Пульхерия вернулась домой с разбитым сердцем. Совращенная ею гадалка тайком продала магический салон и сбежала с кудрявым художником. Оба предали ее. Ведь у Пульки была связь и с этим скользким мателем холстов. Убитая горем Пулька металась по столице и окрестностям. За одни вечер она умудрилась закатить истерику в полицейском участке, в тушпанском Комитете Морали, а также в офисе частного детектива и в морге, куда её направил испуганный сыщик, надеясь, что вечно пьяный патологоанатом сдуру пырнет её скальпелем. Что уже не раз бывало, когда в его владениях внезапно поднимали шум и гам…

Пульке повезло – нервный патологоанатом был на больничном, а тела неверной парочки в морг не поступали. Бедняжка рыдала, рвала на себе волосы, билась головой об стену. Абрам попытался ее утешить и получил по шее. Доктор вкатил леди лошадиную дозу транквилизатора.

С тех пор Пулька стала еще более капризной и раздражительной. Дрюм опять попала в сексуальное рабство, осложненное необходимостью скрывать свои шашни от любимого. Кроме того, Пулька с утра до ночи причитала и жаловалась на бросивших ее возлюбленных, с которыми устраивала шикарные оргии. Порой Дрюм казалось, что от нытья госпожи она тоже сходит с ума. Один парень из охраны особняка посоветовал ей разыскать моралиста Араму Уюба и спросить у него совета. Этот охранник тоже терпеть не мог Пульку.

Необычная подмога

В Комитете Морали есть социальные работники, которых в шутку называют «исповедниками». Они являются кем-то вроде дежурного психолога в благотворительной организации. Араму Уюба как раз занимал такую должность. Охранник намекнул, что он ничем не гнушается за деньги. Его кабинет представлял собой крохотную каморку в подвальном помещении, пол, стены и потолок которой выкрашены в грязно-желтый цвет. Моралист стоял на столе, вкручивая лампочку в патрон. У него были черные волосы и каре-зеленые глаза. Араму окинул её изучающим взглядом, чересчур наглым, как показалось Дрюм. Мулатка медленно опустилась на табурет. Нахмурилась, прикидывая, с чего бы начать разговор.

Смутная неприязнь к соцработнику увеличивалась с каждым ударом сердца. Почему он сверлит ее взглядом конопатой кухарки, которую Дрюм терпеть не может? Эта сука постоянно подглядывает за ней, проклятие на ее блудливые буркала!

– Араму Уюба? – злобно прошипела Дрюм, теребя записку.

– Ага, - отозвался соцработник. На заостренном подбородке у него змеился шрам, нижняя губа немного рассечена. Костяшки пальцев набиты. – Я готов выслушать тебя во имя Морали.

– Да неужели?! Это ты здесь моралист? – взвизгнула Дрюм. Араму зло сощурил глаза и запустил руку в карман, где у него лежало что-то опасное. Дрюм осеклась и продолжила более спокойным тоном:

– Моя госпожа безнравственна. А вообще… вот послание от твоего дружка. Может, сам разберешься, что я тут делаю…

Мужчина прочитал записку и в недоумении развел руками.

– Когда-то я учился с этим типом в одном неприличном заведении. Кто он теперь, сторож? О деле ничего не сказано.

– Как это не сказано? – возмутилась мулатка, поправляя лифчик, который расстегнулся по дороге. У Араму немного поднялось настроение при виде её красивой груди. – Меня зовут Дрюм. Госпожа принудила меня к непотребству, а я нормальная девушка! Терплю унижения ради возможности видеть её сына! Он прекрасен, он сексуален, как кабачок среди патиссонов!

– А во времена моей юности говорили «сексуален, как розовый банан», - внезапно засмеялся Араму.

– Хм, ты повторил любимое выражение моей матери.

– Бог с тобой, это просто поговорка! Так к чему тебя принуждает эта развратница?

– Ну, я вылизываю ей промежность.

– Да, это мерзко. Мы осуждаем оральный секс. Мы осуждаем и запрещаем все, что не является миссионерской позой в законном браке. Есть яд, который впитывается через слизистые оболочки и действует так, как если бы ты заставила жертву его проглотить. Его наносят на морковку или чем вы там тешитесь…

– Она аристократка!

– Чем меньше аристократов, тем здоровее экономика!

– К тому же она больна и почти не отвечает за свои поступки. Гуманно ли уничтожать больного на всю голову человека?

– Многие избалованные бабы страдают от душевных болезней. Пусть ангелы их лечат.

– Не слишком ли ты циничен для моралиста? Так рассуждала моя матушка, а ее повесили.

– Я никого не трогаю. Весь рабочий день сижу в своей конуре и перекладываю бумаги с места на место. Иногда позволяю себе абстрактные рассуждения о природе ядов, но это не возбраняется.

Мулатка злобно улыбнулась и на ухо шепнула Араму, кто её госпожа. Мужчина побелел. Об отравлении невестки босса даже в шутку не стоило говорить.

В кабинет без предупреждения ввалилась парочка неряшливых азиатов. Верзила в засаленном тюрбане грубо ущипнул девушку за грудь и заулюлюкал.

– Уюба, мы к тебе! Чего ты запираешься с девкой? Если тебя выгонят из конторы – кто нас будет опекать? – заявил тощий китаец.

Дрюм разбила кулаком нос восточного нахала. Он схватил руку мулатки с явным намерением её вывихнуть. Араму врезал индусу так, что он со стоном отпустил девушку. Китаец не вмешивался в потасовку.

– Какие же вы скоты! Что, опять с работы поперли?! – взревел соцработник. – Сколько это будет продолжаться?!

– Пока мы не найдем своего призвания! – высокомерно провозгласил долговязый индус. – Мы пришли тебя эпатировать и раскрутить на кормежку, Уюба!

– Накорми нас, приятель, не то ноги с голоду протянем!

Соцработник побагровел от гнева.

– Дай пожрать, Араму! Вот уже три дня, как нас со скандалом выгнали из столярной мастерской. А расчетные не дали.

– Смотри, чем я позавтракал, - сказал китаец Ю Чуй и достал из кармана еще живую половинку ящерицы и трех майских жуков.

– Нормальный китайский завтрак, - съехидничала Дрюм.

– Предупреждаю тебя, Уюба, если не дашь жратвы, Шагри покажет тебе индийский фокус!

– Какие еще фокусы! Вы, азиатское быдло!

Шагри прокусил себе вену на локтевом сгибе, забрызгав кровью стену. Покрутив пальцем у виска, Дрюм выбежала из кабинета. Индус принялся жадно пить свою собственную кровь, испепеляя взглядом соцработника поверх темной, мохнатой руки.

– Немедленно прекрати! – прошипел Араму. – А то будешь мочиться свекольным рассолом.

– Лучше покормить несчастных, чем идти на виселицу за свою алчность, - изрек шустрый китаец. – Так и будет, если не успеешь спрятать в этой крысиной дыре его труп!

Араму послал клерка в столовую за провизией. Юноша принес в корзинке хлеб, жареную картошку и банку с квашеной капустой. Пока он ходил за едой, индус пил свою кровь, чмокая и облизываясь. С независимым видом китаец жевал майского жука. Молодой клерк испугался сосущего кровь индуса, он бросил корзину с едой и сбежал, не услышав просьбу Араму позвать участкового. Китаец подобрал корзинку и показал её Шагри. Индус оставил в покое раненую руку и запустил здоровую в банку с капустой. При этом он что-то промычал.

Ю Чуй поклонился благодетелю и перевел:

– Если бы ты был гомиком, как бы он отблагодарил тебя за щедрость! А что, выпивка в пайку не входит?

– Водочки бы! У самого, поди, херес припрятан!

– Убирайтесь отсюда, бездельники, пока я не рассердился по-настоящему! – заявил Араму, показывая пальцем на дверь. – Попробую для вас что-нибудь сделать. За этот год вас уже двадцать раз выгоняли с работы за лень и безалаберность. Я позвоню, если найдется работа!

– Куда позвонишь? Мы обретаемся на улице.

Ю Чуй слизал потеки крови с кожи дружка, а затем присосался к ране, словно пиявка. С мерзким чавканьем он заглатывал густую кровь напарника, не сдерживая отрыжку.

– Чуй на все готов, чтобы получить водку! – грозно предупредил Шагри. – А когда я умру, он и тебя высушит.

Араму внезапно расхохотался, придумав, как досадить власть имущим. Через мулатку он устроит их в поместье Председателя. Дрюм привлекала мужчину. Ради обладания ею он готов устранить сбившуюся с пути аристократку. А правосудие получит этих придурков себе на расправу. Бродяги изумленно уставились на него.

Араму изящным движением обнажил острое лезвие балисонга.

– Если вы вампиры, я просто проткну вас спокойствия ради!

Индус и китаец без лишних слов схватили еду и бросились наутек. Мужчина удовлетворенно улыбнулся и спрятал нож. При желании он найдет их. А с Дрюм разговор не окончен. Араму запер полутемную каморку и вышел во двор, щурясь на солнце.

– Ты занимаешься не своим делом, – проворковала мулатка с фальшивой улыбкой. Взвесив все за и против, она решила, что этот неприятный тип может быть ей полезен.

Соцработник уселся на скамейку рядом с девицей.

– Да, это так. Я всю жизнь не на своем месте.

– А я недавно нашла себя и опять потеряла. Проклятые гномы!

– Гномы? – удивился Араму. Проследив за её взглядом, он заметил садового гномика среди цветущих роз.

– Нет, госпожа. Моему счастью помеха лишь она – это животное! – Дрюм сжала кулаки. В её янтарных глазах вспыхнуло пламя. Араму зачарованно уставился на девушку, чувствуя, как тлеющее желание разгорается в пожар. Он нервно заёрзал, облизнув пересохшие губы.

– Знаешь, Биржа Труда иногда навязывает нам перевоспитание неисправимых бездельников. Помоги мне устроить китайца и Шагри в услужение. Я помогу тебе избавиться от госпожи, а вину за её смерть понесут эти двое. Только такая работа им по плечу. Ты меня понимаешь, милочка?

– Я не уверена, что хочу гибели Пульки. Только благодаря госпоже я обрела кров и хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне, - помедлив, проговорила Дрюм.

– Тебе негде жить?

– Дом моей матери сожгли после её казни.

– А за что твою маму…

– Сколько лет твоим подопечным? – перебила его мулатка.

– Китайцу – двадцать семь, а индусу – тридцать лет.

– Как думаешь, Уюба, они на все готовы ради халявной еды?

– Пожалуй. А почему ты спрашиваешь?

– Я придумала, как использовать этих жеребчиков. Надо найти укромное местечко, где никто и не подумает выслеживать знатную даму.

Араму задумался.

– Недалеко от консервного завода стоит заброшенный курятник. Бурьян скрывает его от любопытных глаз. А стены еще довольно крепкие, крыша не протекает. И не так уж грязно. А зачем тебе?

– Ты сам там был, или говоришь с чужих слов?

– Я был там.

– А что ты делал в курятнике?

– За поцелуй отвечу.

– Готова биться об заклад, что там все загажено! Думай ещё! Неужели, кроме курятника, тебе нечего предложить!

– В чем состоит твой план?

– А ты участвуешь?

– Пока не дошло, для чего тебе понадобились эти руины.

– Давай осмотрим твой курятник, а потом покумекаем, что делать. Завтра, после шести, ладно?

– Заметано, - пожал ей руку Араму. Провожая взглядом стройную фигурку Дрюм, мужчина хищно усмехнулся, представив себе, чем может закончиться осмотр заброшенного помещения. Надо прихватить с собой старые одеяла.

Как и было условлено, Араму заехал на своей двуколке за Дрюм. Пулька плакала у окна, глядя, как любимая сиделка залезает в повозку мужика. Кухарка

отпросилась с работы. Пульхерия отпустила её, зная, что рыжеволосая Нел отлучается за сплетнями.

Дрюм не понравилось запустение вокруг консервного завода.

– Какие мерзкие трущобы! Даже если в этом сарае воскурить благовоние и постелить палас, а на палас уложить двух небритых азиатов, пресыщенная аристократка все равно не придет сюда. Я тешила себя напрасными надеждами! – сказала Дрюм, сокрушенно качая головой. – Видно, придется спасаться бегством от любви к сыну этой недостойной. Бедный Казимир, его сердце лопнет, если он узнает правду о своей мамочке! Как мне жить без света его очей и прочих радостей?

– Беги, невзирая на малые жертвы! А я поддержу твое мужество! – воскликнул Араму. – Кстати, Чуй и Шагри устроились на работу! Поедем в харчевню, пропустим по стаканчику за знакомство!

– Я не стану пить с тобой! – закричала Дрюм, пиная мешок с опилками. – Отвяжись от меня со своими похотливыми мыслями! Все видят во мне только тело!

– Казимир ничем не отличается от других мужчин!

– Нет, отличается! Он лучше всех!

– Неужели? – коварно улыбнулся Араму.

– Ну, конечно! Если он скажет, что женится на мне, то женится!

– Разве он посулил тебе замужество, Дрюм? – приподнял брови Араму.

– Казимир не бросает слов на ветер. Я уважаю его за это! Он так ласкает меня, что это подразумевается в контексте его комплиментов! А ты не подходи ко мне, вшивый моралист!

– Ты обнадежила меня, а теперь динамишь, Дрюм! – зарычал Араму, сжимая её плечи. В его жилистых руках была сила. Мулатка сглотнула слюну. – Какого черта, а?! Только воспитание удерживает меня от опрометчивого поступка! Больше не разыгрывай со мной подобных шуток, проказница!

– Постой, что это за звук? – прошептала девушка, которую ещё разок крепко встряхнули.

Мужчина прислушался, настороженно озираясь.

Один из мешков с опилками шевелился, издавая характерные звуки. Внезапно оттуда показалась пятнистая рука с обгрызенными ногтями и аляповатыми перстнями из газетного киоска. Это сопровождалось шипящими проклятиями и томными вздохами. Араму и Дрюм замерли от ужаса. Нечто рыжее и липкое, в опилках, извиваясь, медленно вылезало из мешка, щелкая языком и явно упиваясь страхом этой парочки.

Это была кухарка!

Дрюм разразилась нездоровым смехом. Араму выругался и спрятал в карман балисонг.

– Ты хотел потыкаться – топчи эту курицу!

– Я не курица, а дама строгих правил! – с хитрым прищуром доложила кухарка. – Покажи мне, как это делается, темнокожая шлюха!

– Тьфу, вечная ученица, лопни твои глаза! – взревела Дрюм, наматывая на правую руку боксерский бинт. – Сейчас ты узнаешь, почем фунт лиха, мразь!

С пронзительным криком кухарка ринулась в атаку, сжимая в руке облепленную навозом скалку. Дрюм приняла боевую стойку и вцепилась в волосы кухарки, а кухарка в кудри мулатки, успев раза три ударить её по голове своим орудием, прежде чем выронила его из ушибленной кисти. Пыль и перья давно забитого поголовья взлетели вверх, когда дамы принялись кататься по полу, вереща и кусаясь. Араму бросился к повозке. Найдя моток прочной веревки, он вернулся в сарай, разнял дам и крепко связал их. Затем он затащил их в двуколку и подбросил до особняка Кишу, оставив связанными у ворот. На воротах всегда стоит часовой,

который в свете прожектора не может не заметить двух извивающихся в путах женщин, решил соцработник. Со спокойной совестью он убрался восвояси. Однако часовой развязал их лишь в шесть часов утра, из опасения, что охрана особняка останется без завтрака.

Вакханалия объединяет

После приключения в курятнике кухарка взяла расчет. Перед уходом она отомстила Дрюм. Как-никак в драке с черномазой пострадало её здоровье! Поэтому Нелли сообщила Казимиру, что мулатка ублажает его мать. Юноша и без того подозревал Дрюм в измене, но никак не ожидал, что её тайным любовником окажется его собственная мамаша! Казимир не замедлил порвать отношения с Дрюм. Он угрожал выдать их деду, если мулатка не уволится до окончания семестра. Он поступил в университет и планировал реже бывать дома.

Сердце девушки разбилось вдребезги!

Дрюм безропотно проглотила оскорбления возлюбленного, запивая их своими слезами. Она решила больше не допускать вольностей с Пулькой, чтобы заслужить прощение ее сына. Не поверите – в Дрюм теплилась надежда на брак с Казимиром! Если даже такие дешевки, как Пулька, выходят замуж, то и ей должно повезти!

Холодность Дрюм огорчила Пульхерию. Ссылаясь то на герпес, высыпавший в интересном месте, то на гайморит, Дрюм решительно отказывала госпоже в ласке. Пулька забросила рукоделие и визиты к многочисленным тетушкам. От скуки и уныния бедняжка слегла. Абрам, который все время работал, ничего не знал о болезни жены.

Однажды она послала слугу в министерство с вестью, что дни её сочтены. Абрам бросился домой прямо с важнейшего собрания, чтобы выслушать, как должны проходить помины. Пулька предусмотрела все: список приглашенных и дресс-код, которому они должны следовать, меню и развлекательную программу для гостей, подарки для покойницы.

– Дорогой, предупреди их, чтобы дарили мне французские духи, а не капсулы с формалином!

Замминистра пугал её бред. Он попросил сына вызвать скорую помощь (у Дрюм был выходной). Вместо этого циничный Казимир поднял мать на смех. Обиженная Пулька вычеркнула его имя из своего завещания. Она завещала свой бинокль и фотоаппарат уволившейся кухарке, ей нужнее, чем непочтительному сыну!

Вскоре Абрам свыкся с загробным настроением жены. Каждый вечер она планировала свои похороны и нудила о карах, ожидающих усопших грешников.

Дрюм потчевала Пульку мистикой в духе Блаватской и Агни-Йоги. Было выпито немало бутылок шампанского за чтением этих заумных сочинений! Пулька прямо-таки млела от собственной духовности, а игристое било ей в нос ароматом таинственного Тибета и других миров. Ах, как загадочна вселенная и порочны некоторые разделы магии! Из светской хроники Пулька узнала, что одна из тетушек рехнулась на почве теософии. Блаватская входит в моду! Как прекрасно, что она не одна такая. Эзотерика придает женщине дополнительный шарм: глаза начинают блестеть, как алмазы, бегая по сторонам.

Настал день, когда Пулька вскочила со смертного одра, на котором валялась до пролежней на ягодицах и боках. Ей приспичило пройти очищение. В период сексуального затишья возвысить свою душу и узнать судьбу. Она так мало разбиралась в религиях, что на одной цепочке носила звезду Давида и золотой подвес с изображением мечети. За сакральными переживаниями Пулька, как обычно, отправилась в магический салон. Дрюм поплелась за ней, обреченно ожидая